

DOI 10.15826/izv1.2021.27.1.012

Ю. А. Русина

УДК 821.161.1-6 + 808.1 + 929 + 378.4(470.54-25)

«Я БЫ РАД И БЕЗЫМЯННО РАБОТАТЬ»: СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ПОЭТА-ПЕРЕВОДЧИКА ИЗ «ОСТАНОВЛЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ»*

Документальной основой статьи является переписка двух друзей, поэтов-переводчиков Ю. И. Абызова (1921–2006) и В. С. Рутминского (1926–2001), которую они вели в 1960–1980-е гг. Выйдя из одной альма-матер, будучи носителями одних и тех же идей и литературных пристрастий, разделяя в целом судьбу одного «остановленного писательского поколения», эти два талантливых человека реализовали различные поведенческие модели функциональной социализации. Внимание акцентировано на страницах биографии уральского литературоведа В. С. Рутминского.

К л ю ч е в ы е с л о в а : литературные поколения; «остановленное поколение»; советская литература; В. С. Рутминский; Ю. И. Абызов; переводы; Уральский государственный университет им. А. М. Горького

«Дорогой Юрий Иванович! В свое время мы были с тобой хорошими друзьями и измарали вместе немало бумаги, трудясь на нивах поэзии. <...> Годы прошли, многое кануло в Лету, осталась память о хороших стихах и переводах, о творческом огне, освещавшем и согревавшем нашу жизнь <...>», — это строки первого после возвращения из ГУЛАГА письма литературоведа и поэта-переводчика Виктора Рутминского, отправленного университетскому другу Юрию Абызову из Свердловска в Ригу 10 ноября 1959 г. Сегодня переписка студентов-филологов Уральского государственного университета им. А. М. Горького (УрГУ) 1940-х гг.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-512-23003 «Самосознание и диалог поколений в русской и венгерской литературной практике XX–XXI веков».

РУСИНА Юлия Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета. ORCID: 0000-0002-8286-4878. Scopus ID: 57194765538 (e-mail: iulia.rusina@urfu.ru).

© Русина Ю. А., 2021

хранится в фонде Ю. И. Абызова в Историческом архиве Исследовательского центра Восточной Европы (Forschungsstelle Osteuropa, Бремен, Германия)¹.

Принадлежа, казалось бы, одному поколению (Абызов родился в 1921 г., а Рутминский — в 1926 г.), они прожили совершенно непохожие жизни, попав в свой водоворот событий, который разнес их в разные «поколенческие подгруппы». Будучи носителями одних и тех же взглядов, понятий, идей, разделяя в целом одну судьбу, они совершенно «по-разному на эту судьбу реагировали» [Мангейм, с. 32].

В поколенческом срезе судьба Виктора Сергеевича Рутминского видится как совершенно уникальная, автономная биография. Примыкая к поколению литераторов-фронтовиков (в силу возраста он не попал на фронт), будучи на исходе войны «готовым к творчеству», он испытал «насильственное его прерывание» [Чудакова, 1998б, с. 84], попав в ГУЛАГ. А в оттепельный период, оставаясь честным и верным по отношению к своим научным и литературным пристрастиям, опять же лишь соприкоснулся с поколенческой общностью «шестидесятников», погруженный в свою «внутреннюю историю» [Лотман, с. 372].

Но «право на биографию» [Там же, с. 365] В. Рутминский, несомненно, заслужил не только выпавшими на его долю гонениями, но и верностью своему таланту и своему предназначению в литературе так, как он его чувствовал и понимал². Думается, что не попади он в жернова последних сталинских репрессий, его творческая жизнь также не была бы простой в силу его личностной особенности, углубленности в противоречивший идеологическим нормам советской культуры литературный дискурс и чрезвычайно требовательного отношения к собственному творчеству.

Ю. Абызов успел бывать на фронте и, скорее, олицетворяет когорту литераторов-фронтовиков, с университетской скамьи ушедших защищать Родину. Подтверждение тому, например, его 30-летняя дружба с Давидом Самойловым [Самойлов, с. 327; Юрий Абызов — Давид Самойлов...]. В то же время, следуя заключениям М. Чудаковой, и Самойлов, и Абызов — это «остановленная или задержанная часть третьего поколения советских писателей», вернувшихся с войны «готовыми к творчеству», чье вхождение в литературный процесс было отодвинуто во времени витком послевоенных репрессий, но все же оно состоялось [Чудакова, 1998а, с. 83]. Профессионально Юрий Иванович Абызов сумел реализовать свои таланты и способности. Поступив на филологическое отделение Свердловского (с 1946 г. — Уральского) госуниверситета в 1940 г., он вернулся на учебу после ранения в 1943 г., а в 1946-м навсегда покинул Свердловск, переведясь в Латвийский университет, который и закончил в 1949 г. По окончании вуза преподавал в Даугавпилсском педагогическом институте, занимался литературными переводами, работал редактором в Латвийском государственном издательстве. С 1989 г. — организатор и председатель Латвийского общества

¹ Исследовательский центр Восточной Европы при Бременском университете : [сайт]. URL: https://www.forschungsstelle.uni-bremen.de/ru/2/20110606110855/%25D0%259E_%25D0%25BD%25D0%25B0%25D1%2581.html (дата обращения: 29.11.20). Здесь и далее все цитаты из переписки Рутминского — Абызова относятся к документам, находящимся на хранении в фонде Ю. И. Абызова [Фонд Ю. И. Абызова].

² См. о судьбе В. С. Рутминского статьи Ю. А. Русиной [Русина, 2011, 2013].

русской культуры, где под его руководством была собрана уникальная библиотека [Абызов Ю. И.]. Ю. И. Абызов уже в 1960-е гг. был принят в члены Союза писателей СССР, стал востребованным переводчиком (с польского, латышского, английского), печатался в журналах «Дружба народов», «Даугава» и др., издательствах «Иностранная литература», «Художественная литература», «Молодая гвардия»³, участвовал в подготовке 10-го тома серии «Библиотека современной фантастики»⁴ и т. д.

Первому послевоенному поколению студенчества уральского вуза Ю. Абызов был известен переводами с польского, английского языков и собственными поэтическими опытами, опубликованными в рубрике «Литературные страницы» университетской многотиражки «Сталинец»⁵, а также дружбой с однокашником Виктором Рутминским, осужденным в 1947 г. «за клеветнические стихи» по статье 58.10 «Антисоветская агитация и пропаганда» на шесть лет и отбывавшем заключение в ГУЛАГе. Абызова и Рутминского сближали не только человеческие качества, но и общие увлечения: они оба любили поэзию эпохи символизма и авангарда, пробовали себя как поэты-переводчики, экспериментировали с жанром пародии и другими поэтическими формами. Их имена как участников «нелегального литературного кружка под названием “Рыцари круглого стола”» и распространителей среди учащихся стихов «враждебных советской поэзии поэтов Гумилева, Гиппиус, Ахматовой, Мандельштама и др.» отмечены в докладной записке Свердловского областного управления госбезопасности, датированной августом 1947 г. [Докладная записка...].

Линия судьбы поэта и переводчика Виктора Рутминского попала в ту «особую конфигурацию литературного процесса, когда в условиях массового террора массово прерывались творческие биографии», но для него в «причудливом рисунке литературного процесса России XX в.» [Чудакова, 1998б, с. 83] места не оказалось. Абызов был старше всего на 6 лет, но в переломную эпоху эта разница оказывается важной, так как у Рутминского, в отличие от его друга, не было военного опыта, не сформировалось, видимо, той духовной опоры, которая в оттепельные времена помогла фронтовому писательскому поколению поднять свои знамена.

Отбыв шесть лет лагерей, профессионально Рутминский в литературу не вернулся, хотя и закончил в 1956 г. филологический факультет Уральского университета. Его вхождение в ролевую структуру общества не соответствовало функциональной социализации, предполагаемой образовательным уровнем выпускника университета, врожденными талантами и осознанным желанием. Напротив, он «выпал из социализационного процесса в поведенческую категорию», которая некоторыми, если не большинством, могла оцениваться как

³ См., например: *Колберс А.* Вдова в январе. М. : Мол. гвардия, 1984. 400 с.; *Унит А.* Новеллы. М. : Худож. лит., 1970. 50 с.; Юрий Абызов // Русские Латвии. Ин-т рус. культур. наследия Латвии : [сайт]. URL: Юрий Абызов – Публикации – (russkije.lv) (дата обращения: 29.11.2020) и др.

⁴ Антология фантастических рассказов английских и американских писателей. М. : Мол. гвардия, 1967. 560 с. (рассказ Альфреда Бестера «Феномен исчезновения» (С. 196–216) дан в переводе Ю. И. Абызова).

⁵ *Тувим Ю.* Лодзь / пер. Ю. Абызова // Сталинец (Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького). 1945. 7 нояб.; *Сервис Р.* Мой паренек / пер. с англ. Ю. Абызов // Там же. 1946. 29 июня; *Ю. А.* Четвертая комната // Там же. 1944. 24 нояб.

«странная» или «ненормальная» [Шанин, с. 22–23]. Виктор Сергеевич в течение 30 лет преподавал бухгалтерский учет в учебном комбинате при Свердловском областном статистическом управлении. «<...> *А буду посвободнее, так можно... по старой памяти изобразить эдакий турнир в стихах. Это ведь было забавно, правда? И доставляло нам обоим в свое время массу удовольствия. <...> С приветом, бывший пиит, а ныне бухгалтер, сиречь книгодержатель*» — пишет он Абызову в 1960 г. Однако стихосложением после освобождения он заниматься перестал: «*Но лиру я давно сменял на счеты / И звонких строк не в силах создавать*» (из письма 1960 г.).

Таков был неординарный выбор этого талантливой человека. В. Рутминский «реализовал не рутинную, среднюю норму поведения, обычную для данного времени и социума, а некоторую трудную и необычную, “странную” для других и требующую от него величайших усилий». Следуя этой мысли, «там, где для человека рутинной нормы нет выбора и... нет поступка, для “человека с биографией” возникает выбор, требующий действия, поступка» [Лотман, с. 366]. Среда, к которой принадлежал Рутминский, его дворянские корни («белая офицерская кость» — по отцовской линии и связь с оперным искусством — по материнской), собственные природные задатки — абсолютный поэтический слух и феноменальная память с раннего возраста формировали его интерес к художественному слову и поэтической форме. В силу унаследованных им культурных кодов Виктор Рутминский не вписывался в соцреалистическую модель литератора, его творческие интересы и потребности выходили за рамки новой системы культурной кодировки, и поэтому его поведение воспринимается как отступление от некоей социально фиксированной нормы. Наблюдая подобную поведенческую модель, хотелось бы связать ее со свободой выбора человека, смелым отторжением той профессиональной среды, где господствовали чуждые ему ценностные доминанты, однако, к сожалению, у талантливого литератора не получилось найти для себя адекватную социальную роль из предложенных ему обществом.

Но своих литературных изысканий Рутминский, конечно, не оставил. Занимался переводами с немецкого, польского, финского, которые изредка принимали к печати литературные журналы, в основном периферийные. Однокурсники и соратники по университетскому литературно-творческому кружку 1940-х гг., окрепшие профессионально в 1960–1970-е гг., занимавшие редакторские должности в уральской литературно-художественной периодике, советовали Рутминскому, дабы быть опубликованным, «писать о рабочих». Кроме переводов, он все свое свободное время посвящал изучению того, что увлекло его еще в школьные годы и не отпускало всю жизнь, — творчеству и судьбам поэтов Серебряного века.

В эпистолярных материалах, хранящихся в Бременском архиве, уральскому литературоведу принадлежит 39 писем и 6 открыток, адресованных другу в Ригу и датированных 1960–1980-ми гг. [Фонд Ю. И. Абызова].

Обращение к эго-документам позволяет проникнуть за кулисы внешней жизни человека, к событиям потаенной ее части, ее «внутренней истории», коей обычно богат «человек с биографией» [Лотман, с. 372]. Так, преподаватель бухучета Виктор Рутминский в другой своей ипостаси, более органичной его

характеру, желаниям, способностям и осознанному предназначению, являлся поэтом-переводчиком и литературоведом. Содержание переписки с университетским другом говорит не только о постоянном душевном дискомфорте человека, вынужденного заниматься «не своим делом», но и о тех путях, которые ему приходилось проходить в поисках нужных книг, авторов, журнальных публикаций и знакомств с издательствами.

В письмах 1960-х — начала 1970-х гг. доминирует тема переводческой деятельности. Главное стремление В. Рутминского в это время — утвердиться в качестве поэта-переводчика, и он рассчитывал на помощь более успешного в этом деле товарища. Уральский поэт-переводчик надеялся, что друг, занимающийся профессиональной редакторской работой, а также имеющий опыт переводческого сотрудничества с разными издательствами и, что немаловажно, живущий «поближе к Европе», поможет ему получить доступ к текстам зарубежных авторов. Особенно интересовали Рутминского, судя по письмам, переводы с польского языка. Эпистолярные материалы показывают будни переводческой работы, ее «кухню», трудности его «внутренней истории», подчас непреодолимые, но и увлеченность, погруженность в дело переводчика, его стремление к глубокому проникновению, прочувствованию чужих текстов.

Кстати, какой из польских журналов ты бы посоветовал мне выписать? Какой-нибудь один я бы, пожалуй, выписал на 1961 г. Чтобы там и проза, и стихи, и критика, в общем вроде наших толстых журналов. «Twórczosc» — такой или нет? (из письма 1960 г.).

Не можешь ли ты помочь мне выписать из Польши стихи Камиля Циприана Норвида. Я его очень хочу переводить, он на русский никогда не переводился. <...> Еще меня интересуют рассказы Славомира Мрожека и — особенно — большие и малые пьесы (из письма 1963 г.).

Дела у меня вообще дрянь. В смысле текстов — полная недоступность: все-таки провинция. <...> Мы, переводчики, проклятая каста неприкасаемых в искусстве. Нам хуже, чем просто поэтам и прозаикам, даже заведомо плохим. <...> Я бы и в негры пошел, да кому в Свердловске негры нужны. Это тебе не столица. Перевожу (немного) Асныка и Норвида, которого все-таки достал <...> (из письма 1963 г.).

Ездил в Москву, договаривался о публикациях своих переводов Сл. Мрожека в журнале «Вокруг света». Познакомился с семьей переводчика Живова. Обнаружил у них множество книг на польском языке и пять изданий Норвида. Вот, где польских книг! Худо одно — в Свердловске не достать каких-нибудь польских новелл. <...> Хотел повидать Эрку Неизвестного⁶, но его, видимо, не было в Москве (из письма 1963 г.).

В Свердловске можно достать только каталоги польской литературы (изредка приходят в книжные магазины), на просьбы по московским адресам, указанным в каталогах, выслать книги, отвечают, что с частными лицами не торгуют. Через книжный магазин также заказать не удастся, т. к. там сообщают, что еще ни одной подобной

⁶ Семья Рутминского была знакома с жившей в Свердловске писательницей Беллой Дижур, матерью Эрнста Неизвестного, и самим скульптором.

заявки не удовлетворили. В «Белинке»⁷ — всего 100 книг польских авторов в переводах (из письма 1964 г.).

Я выписываю сведения из всех московских библиотек (о поступающих польских книгах), но их, во-первых, ничтожно мало... а, во-вторых, выписка по МБА (межбиблиотечный абонемент. — Ю. Р.) меня не устраивает. Пришлют недели на две и работой только в читалке. А я ишащу с 8 утра и часто до 10.15 вечера. <...> Такие-то, брат, дела (из письма 1964 г.).

Иногда Рутминский пишет в слегка ироничном стиле, о той же потребности в польских текстах и особенном своем интересе к личности и произведениям выдающегося польского поэта-романтика с драматичной судьбой, не получившего признания при жизни:

В остзейском городе Риге, где Вы изволите проживать, ляхи устраивают книжную ярмарку. Нельзя ли приобрести там вирши ляшского сочинителя Циприана Норвида, а также иных ляшских виршеписцев, изданных в серии «Poety polskie». <...> Интересуюсь книгами о Норвиде (из письма 1966 г.).

В Свердловск почему-то не завозят сборники «Мастерство перевода», а я их очень люблю и читаю с большим интересом, чем детективы Дж. Х. Чейза. Последний у меня — 1970 г., с тех пор так и не удаётся. Если будет возможность где-нибудь там, на западе, купить — осчастливь меня, ладно? (из письма 1974 г.).

В 60-е гг. XX в. ширится увлечение научной фантастикой, особенно популярны у советского читателя произведения Станислава Лема, которые охотно публикует литературно-художественная периодика, в том числе снискавший славу на этом поприще журнал «Уральский следопыт». Ю. Абызов довольно много переводил польского фантаста, Рутминский также испытывал интерес к его текстам, в связи с чем в их переписке довольно часто встречается имя писателя.

С радостью увидел отрывок из Лема в «Литгазете» в твоём переводе. Поздравляю. Будь другом, ответь мне на такие вопросы: 1) Имеешь ли ты контакт с Лемом? 2) Имеешь ли ты возможность достать польские тексты его новых вещей, в частности, роман «Солярис»? <...> Мы писали Лему с Румянцевым⁸ (он — по-русски, я — по-польски), но почти «на деревню дедушке» за незнанием адреса.... Ответа не было (из письма начала 1970-х гг.).

Советуется Рутминский со своим университетским товарищем и по вопросам техники переводческих приемов:

Сколько раз ты перепечатываешь перевод? <...> Начерно переводишь пером или сразу на машинке? <...> Мне кажется, я бы не смог сразу переводить на машинке. Я тогда не чувствую какого-то стилистического аромата (из письма 1963 г.).

⁷ Свердловская областная библиотека им. В. Г. Белинского.

⁸ Лев Румянцев (1924–1995) учился вместе с В. Рутминским в университете в 1940-е гг. В рассматриваемый период — заведующий отделом прозы и поэзии журнала «Уральский следопыт».

Часто встречается в эпистолярных текстах профессиональный сленг:

Перепер я, интереса ради, две теле-пьески Лема из сборника «Nas Ksiezycowa» («Верный робот» и еще одну). Пьески хороши! <...> По-моему, писал тебе, что открыл для себя Яна Парандовского. Писатель — во! (из письма 1964 г.).

Я сейчас перепер полкниги стихов Аснька (больше ради практики), на подступах к Норвиду (он трудный поэт, труднее Тувима, потому-то современники его и не приняли). <...> Сейчас здесь, в Березниках, работаю над «Zegarem stoniecznym» Яна Парандовского. <...> Мир там наблюдается глазами ребенка, они очень тонко и изящно написаны (из письма, написанного в командировке, 1964 г.).

Знаешь ли ты что-нибудь о Джо Алексе, он же Мацей Сломчиньский (кроме того, что он отлично перевел «Улисса»). Я перепер его роман «Смерть говорит от моего имени», но пока он еще не напечатан, боюсь взглянуть (открытка от 26 декабря 1971 г.).

Время — второй по значимости, после оригинальных текстов западных авторов, дефицит для переводчика Рутминского:

Я ведь совслужащий и со временем у меня чистый гроб. Я имею ежевечерне час, максимум два. Моя производительность в это время страниц пять начерно. <...> Конечно, если б забюллетенить дней на 10–11, я бы за это время горы своротил... (письмо не датировано).

В 1962 г. В. Рутминский взялся переводить внушительный по объему (600 страниц) фантастический роман К. Боруна и А Трепки «Проксима» [Неоконченное письмо..., с. 185]. Опыт был неудачным, причем не получилось и реализовать изначальный план совместного перевода с Ю. Абызовым:

Касательно «Проксимы» мы яро трудимся над нею. Не продам? Чорт (так в тексте. — Ю. Р.) с ним! Хоть польский вспомню как следует! Я уже на 80-й странице. <...> За вечер — страниц 7–8. Хоть времени часа 2–3, не боле, за вечер-то (письмо не датировано).

В ответных письмах (их сохранилось лишь несколько, в машинописных копиях) Ю. Абызов рассказывал о своей переводческой работе, делился планами напечатать произведения С. Лема в журналах «Урал» или «Уральский следопыт», предлагал (а затем высылал в Свердловск, судя по свидетельствам переписки) тексты латышских поэтов с подстрочником, подшивки польских журналов «Литературный мир» за 1970-е гг. др.

В одном из посланий встречаем дружеские советы Абызова, как более осведомленного в издательских правилах и порядках работы журнальных редакций:

Вот ты спрашиваешь, что делать, чтобы протолкнуть или пристроить что-либо. И Бреза хорошо и Мружек того лучше. А и Норвид прелесть. Так что с того? Твои действия — это так наз. «самотек». А он учитывается только там, где речь идет об оригинальной литературе. Переводная же вся планируется заранее, за 3–4 года. И значит надо быть вблизи от людей, планирующих или рецензирующих, или редактирующих, или руку на пульсе держащих. А как это делать живучи в провинции? Таки трудно. <...>

Сделай штуки две-три. <...> Пусть имя твое примелькается... <...> И отпиши мне, есть ли у тебя стихозы Оси Бродского (из письма 1964 г.).

Обменивались друзья результатами разыскания ранних публикаций и самиздата поэтов Серебряного века:

Ходасевич — это очень здорово! Заранее большое спасибо! Что я могу в свою очередь предложить? Николай Олейников нужен? Только кивните — сей момент пришло. Имеются «Воронежские тетради». Экземпляр малость с враньем (перепечатывал человек не шибко грамотный), но в общем ничего (из письма Абызова 1963 г.).

На что Рутминский ответил:

Огромное спасибо за вирши Н. Олейникова. Прелесть!;

«Воронежские тетради» Осипа Эмилевича... имею в довольно хорошем виде, с вариантами в копии с подлинной рукописи, сделанной понимающим человеком. Еще ты мне когда-то сулил «Столбцы». Помнишь? (письма не датированы).

В письмах Рутминского 1970-х гг. чувствуется угасание энтузиазма и разочарование, потеря надежды добиться признания на переводческом поприще: «Переводить я почти начисто бросил... гиблое дело» (из письма 27 декабря 1974 г.).

Слышатся в этих письмах и отголоски творческих кризисов:

Я все больше прихожу к выводу, что перевод вообще мало возможная вещь. Каждый раз это необъяснимое чудо. <...> А когда это сплошь брак по принуждению, исключаящий любовь — откуда будут красивые дети? Проклятье Вавилона тяготеет над нами (из письма 1981 г.).

Совсем в другое время, в интервью 1990-х гг., Виктор Сергеевич поделился своим ощущением уникальности труда переводчика:

Поэт-переводчик — это самая, можно сказать, неблагодарная работа. Она требует максимальной квалификации, невероятной работоспособности, еще какой-то интуиции особой. <...> Поэт-переводчик должен владеть всеми формами, потому что при переводе могут встретиться самые разнообразные формы, знать теорию и технику стиха. Просто поэт может этого не знать, он сам себя выражает. А я должен выразить Данте, Рильке, Норвида [Рутминский, 2008].

Ироничная подпись, встречающаяся во многих его письмах: «С КомПлам-Пролетприветом бывший пиит, а ныне трудящийся Востока» — это не фигура речи. Редкие публикации стихотворных переводов Рутминского появлялись в 1960–1970-е гг. в журналах «Ашхабад», «Звезда Востока», «Простор». Из того же интервью 1990-х гг.:

Меня почему-то Средняя Азия в основном печатала. Журнал «Памир». Там Марианна Владимировна Фофанова была редактором отдела поэзии, она, видимо, понимала, что к чему. Она у меня и Рильке печатала и Норвида. К сожалению, в Свердловске этот журнал мало кто покупал и читал [Там же].

В семейном архиве Виктора Сергеевича сохранилось неотправленное письмо Корнею Чуковскому, опубликованное в сборнике его избранных переводов [Неоконченное письмо...]. Это потрясающее по искренности и пронзительной откровенности обращение за советом и пониманием, где в каждом слове — любовь к своему предназначению и боль из-за невозможности его реализовать. Письмо написано, предположительно, в конце 1960-х гг., когда неоднократные попытки опубликовать переводы разбивались о вежливые, официальные отказы из журналов «Иностранная литература», «Новый мир», «Знание — сила», «Урал», «Дружба народов» и др.

В письме Чуковскому Виктор Сергеевич рассказывает о своей судьбе:

Может быть, это покажется Вам нескромным с моей стороны, но я считаю, что природа создала меня переводчиком. <...> Но жизнь сложилась иначе. <...> Долгие годы я был коллегой небезызвестного Ивана Денисовича [Там же, с. 183].

И о поисках себя:

С 1959 г. пытаюсь сделатья самим собой, но это мне мало удается. Мне хочется, чтобы не пропали втуне ни мои природные способности, ни память, ни начитанность (о таланте — есть он или нет — я говорить не в праве). Я не писатель по многим причинам, в числе их и такая: охоту выразить свое «я» у меня основательно отбили. Но более важная: мне больше нравится перевоплощаться, у меня, мне кажется, есть чувство стиля. Если «переводчики — почтовые лошади просвещения», мне кажется, я лошадь недурных кровей. Лошадь еще и потому, что работать я могу, как лошадь. В этом моя жизнь. Как переводчик я нечто, вне этого я — ничто. Но не стоит себя хвалить, простите меня [Там же, с. 184].

И, конечно, о своей работе, своем деле. О первом заказе в 1959 г. на перевод нескольких стихотворений финского поэта Эйно Лейно, напечатанных в сборнике «Избранное», благодаря чему «чувствовал себя человеком, чувствовал себя на своем месте». О «наслаждении и трудностях» перевода с польского:

Я много переводил поляков: стихи и прозу (польский язык я знаю). Переводы «Сказок роботов» Лема у меня печатались изредка в газетах Свердловска. Один из наших журналов отказался от моего перевода двух чудесных сказок из этого цикла по причине... чрезмерной интеллектуальности их. <...> С наслаждением переводил чудесные рассказы Яна Парандовского, но везде мне говорили: его тематика будет неинтересной нашему читателю [Там же, с. 185].

О стремлении уловить «подлинную интонацию» одного из самых любимых и малоизвестных советскому читателю польских поэтов Камиля Циприана Норвида, сведения о котором он тщательно собирает много лет [Там же]. А также еще и о том, что жизнь перевода коротка, признание не приходит к переводчикам через многие годы, как это бывает у поэтов, потому что «...каждой эпохе бывает нужен свой перевод <...>. Пролежав полвека в ящике письменного стола, перевод может

и умереть» [Неоконченное письмо..., с. 187]. Делится Рутминский с известным писателем и единственным своим крупным успехом — принятой к изданию, переведенной им книги «польского атеиста»⁹: «...это все-таки не перевод художественной литературы, хотя я и этому рад до смерти» [Там же]. Письмо, видимо, писалось в эмоционально-сложном, рубежном состоянии, как последняя, отчаянная попытка найти ответ:

...не отказаться ли от бесплодных попыток пробить лбом бетонную стену. Но это значит — отказаться от содержания всей своей жизни и — не будем бояться громких выражений — морально умереть [Неоконченное письмо..., с. 187–188].

Рвущейся струной звучат последние строчки обращения к мудрому коллеге:

Мне не нужны ни слава, ни деньги... Я бы рад и безымянно работать... лишь бы мой труд, моя любовь не пропадали втуне. Но где найти такого Кристиана мне, новоявленному Сирано? [Там же, с. 188].

Признание все же пришло к В. С. Рутминскому, но уже на исходе прошлого века и на закате его собственной жизни. В 1990-е гг. он наконец смог донести до слушателей огромные знания о М. Волошине, О. Мандельштаме, В. Брюсове, К. Бальмонте, З. Гиппиус, Н. Гумилеве и других поэтах эпохи Серебряного века, реализовать свой самобытный и редкий лекторский дар, читая лекции студентам вузов Екатеринбурга и на Свердловском областном радио. В 1999 г. В. С. Рутминскому была присуждена губернаторская премия «За достижения в области литературы и искусства». В 2000 г. вышло миниатюрное 5-томное издание очерков о поэтах Серебряного и постсеребряного века [Рутминский, 2000а, б]. Уже после ухода Виктора Сергеевича Рутминского из жизни в миниатюрном издании были опубликованы «Польские повести»¹⁰, стали доступны читателям его главные труды, содержащие 44 блестящих очерка о поэтах золотого, Серебряного и постсеребряного века, 54 часа аудиолекций, переводы и 10 видеодисков с его лекциями и выступлениями, благодаря которым сегодня возможно увидеть живого Рутминского, услышать его глуховатый голос и характерные интонации, передающие стихотворные ритмы любимых им поэтов [Рутминский, 2008; 2011а, б; 2013; Рутминский просвещает...]. Увековечена память литературоведа и в названии улицы одного из новых районов Екатеринбурга — улица Рутминского. Она замыкает поэтический квартал, украшенный именами Волошина, Ахматовой, Цветаевой...

Абызов Ю. И. // Издательство «Русский путь»: [сайт]. URL: Абызов Ю. И. (gr-net.ru) (дата обращения: 27.11.2020).

⁹ Хмелевский Г. Христианство и религии мира / пер. с польск. В. Рутминского. М., 1968. 192 с.

¹⁰ Завейский Е., Ставицкий Е. С., Нарбутт Е. Польская послевоенная повесть / пер. с польск. В. Рутминского. Екатеринбург: [Омск], 2002. 208 с.

Докладная записка и. о. начальника Управления Министерства государственной безопасности Свердловской области полковника Милицына, начальнику 5-го Управления Министерства государственной безопасности СССР генерал-лейтенанту Дроздецкому «О фактах идейно-политического и морального разложения среди части преподавательского состава и студентов Уральского государственного университета им. Горького» // Фонды Музея истории УрГУ.

Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992. С. 365–376.

Мангейм К. Проблема поколений // Новое лит. обозрение. 1998. № 2 (30). С. 7–47.

Неоконченное письмо, не отправленное адресату // Рутминский В. С. Избранные поэтические переводы. Екатеринбург, 2013. С. 183–188.

Русина Ю. А. Рифмы жизни. История студенческого литературного кружка УрГУ (середина 1940-х гг.) // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер 2 : Гуманитар. науки. 2011. № 4 (96). С. 269–285.

Русина Ю. А. «Литература — это для меня жизнь». Дело Виктора Рутминского // Вестн. Урал. отд-ния РАН. Наука. Общество. Человек. 2013. № 2 (44). С. 145–153.

Рутминский В. С. Беседы о русской поэзии : компакт-диск (DVD). 2008.

Рутминский В. С. Избранные переводы. Екатеринбург, 2013. 256 с.

Рутминский В. С. Поэты постсеребряного века : в 2 т. Екатеринбург, 2000а.

Рутминский В. С. Поэты Серебряного века : в 3 т. Екатеринбург, 2000б.

Рутминский В. С. Русские поэты. XIX век: Первым был век золотой. Екатеринбург, 2011а. 256 с.

Рутминский В. С. Русские поэты. XX век: Серебряный век. Постсеребряный век. Екатеринбург, 2011б. 488 с.

Рутминский просвещает, поет, озорничает... почти PostScriptum. Записи 80–90-х годов XX века (из семейного архива) : компакт-диски (DVD).

Самойлов Д. Памятные записки. М., 1995. 480 с.

Фонд Ю. И. Абызова // Архив Исслед. центра Вост. Европы при Бременском ун-те (Бремен, Германия). FSO (Forschungsstelle Osteurope). 01–117/2.

Чудакова М. Заметки о поколениях в советской России // Новое лит. обозрение. 1998а. № 2 (30). С. 73–91.

Чудакова М. Российское общество в воротах XXI века // Неприкосновенный запас. 1998б. № 2. С. 83–89.

Шанин Т. История поколений и поколенческая история // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М., 2005. С. 17–38.

Юрий Абызов — Давид Самойлов : переписка. Таллин, 2009. 268 с.

Статья поступила в редакцию 14.12.2020 г.